

УДК 94(470): 37(092)

С. А. Кочурина

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ УСПЕНСКИЙ: «СЛУЖЕНЬЕ ТИХОЕ НА НИВЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Раскрываются наиболее значимые периоды жизни директора Томского учительского института Ивана Александровича Успенского (1867–1943 гг.). Определены основные факторы, повлиявшие на формирование его профессионального кредо. Дается характеристика деятельности Успенского в учебных заведениях Западно-Сибирского учебного округа в конце XIX–начале XX в.

Ключевые слова: И. А. Успенский, педагогическое образование, Томский учительский институт.

Директор Томского учительского института (1907–1920 гг.) Иван Александрович Успенский (1867–1943 гг.) происходил из потомственной священнической семьи Успенских, которая вела свое происхождение из древнерусского города Ростова. Родился он 1 ноября 1867 г. в семье священника церкви с. Алешкова Ростовского уезда Александра Ивановича Успенского и его жены Надежды Андреевны [1, л. 48]. В 1870 г. о. Александр Успенский получил приход в г. Мышкине, куда переехал вместе со своей семьей. Мышкин был небольшим уездным центром, но среди других городков Золотого кольца приобрел широкую известность, в том числе и благодаря каменному Никольскому собору, который был выстроен на средства местных жителей в начале XIX в. Церковь, отличавшаяся величественной красотой и строгостью классических форм, служила предметом гордости горожан. В этом соборе Успенский служил все последующие годы до выхода на пенсию, будучи удостоенным многочисленных наград от духовного ведомства и пользуясь заслуженным уважением и любовью прихожан. В семье Успенских кроме младшего Ивана было еще два сына и дочь. Старший – Дмитрий (1856–1919) долгое время служил в Мышкине по полицейскому ведомству. Средний – Александр (1865–1947) после обучения на медицинском факультете Томского университета работал врачом в Ярославле. Сестра Мария (1877–1955), окончив Ярославское епархиальное училище, впоследствии вышла замуж за священника Александра Ивановича Порецкого (1873–1942), который «унаследовал» место Успенского в Никольском соборе и продолжил священническую династию Успенских-Порецких. В семье Успенских царил особенная, теплая атмосфера, наполненная любовью и вниманием к детям. Вероятно, поэтому впоследствии продолжатели этой династии часто выбирали делом своей жизни именно педагогическое призвание. В советское время многие из них стали учителями. В 2005 г. в Мышкине был создан первый и пока единственный в России музей школьных тетрадей, основой коллекции которого стал сохранившийся семейный архив Успенских-Порецких [2].

Свой профессиональный выбор Иван Александрович, как и его отец, сделал в пользу духовного

образования. Духовные учебные заведения того времени совмещали в себе две функции: вели подготовку будущих священников и были своего рода ведомственными педагогическим учебными заведениями: семинарии готовили учителей церковных и приходских школ, а духовные академии – наставников и преподавателей семинарий и духовных училищ.

В 1885 г. Успенский поступил в Ярославскую духовную семинарию, одно из старейших учебных заведений Ярославской губернии. Время, на которое приходились годы учебы Успенского, было сложным периодом в истории развития российского образования. 1880-х гг. – это «эпоха Победоносцева», время реакции, усиления цензуры, сокращение свобод. Обер-прокурор Святейшего Синода стремился усилить контроль над духовными учебными заведениями. По воспоминаниям современников, несмотря на занимаемую должность, «богословия Победоносцев решительно не любил и боялся, и об “искании истины” отзывался всегда с недоброй и презрительной усмешкой...» [3, с. 133]. Ужесточение образовательной политики окончательно закрыло доступ в классические университеты выпускникам духовных семинарий, поэтому при желании продолжить образование реального выбора у них, как правило, не было, и чаще всего они поступали в духовные академии.

В ходе реформ в сфере образования был издан новый устав духовных академий 1884 г., который внес изменения во внутреннее устройство, правила приема этих учебных заведений, ужесточил цензуру и усилил контроль со стороны высших инстанций. В академиях была отменена специализация подготовки, публичность академических диспутов и ряд других закрепившихся в прежние годы нововведений. Три года обучения в академии завершались экзаменами и представлением «окончательного сочинения». Если средний балл за экзамены не превышал 4,5, то слушатель академии выпускался со званием «действительного студента». Успешно сдавшие экзамены оставались на четвертый курс и изучали специальные и педагогические дисциплины, проходили педагогическую практику. Для этих студентов обучение завершалось защитой кандидатского сочинения, по результатам которого присуждалась степень кандидата богословия.

В 1880-е гг. «запретительная политика» Победоносцева дала свои результаты: в среде духовенства стало формироваться неискреннее двуличное отношение к работе, отсутствие открытых дискуссий лишало серьезной критики богословские и научные работы студентов. С другой стороны, недолгий период либерализма и открытости пореформенного периода способствовал широкому распространению богословских идей. Новые веяния проникли и захватили Московскую академию, в пользу которой сделал свой выбор Иван Александрович Успенский. Московская духовная академия (МДА) сбыла старейшим вузом и духовным центром православной России. Поступить сюда всегда было непросто, а к концу 80-х гг. XIX в., когда в связи с охранительными мерами набор студентов в академию сократился и заметно повысился конкурс. Успенский успешно преодолел сложности, связанные с поступлением и был зачислен в число студентов. Его студенческие годы пришлись на самый знаменательный период в истории МДА, связанный с ректорством архимандрита Антония Храповицкого, который находился на этом посту всего пять лет – с 1890 по 1895 г.

Деятельность и личность Антония Храповицкого в истории Русской Православной церкви конца XIX–начала XX в. получила неоднозначную оценку в работах исследователей и воспоминаниях современников, но все они без исключения сходятся в том, что период его недолгого ректорства ученыя и церковная жизнь Московской академии приобрела особый характер. По воспоминаниям бывших студентов служба о. Антония на посту ректора внесла в ее стены «совершенно новый дух, освободив Академию от мертвящей схоластики и формализма». Современник Успенского митрополит Евлогий отмечал, что взаимоотношения ректора и студентов были «подлинно новаторскими, выходящими далеко за рамки привычных для того времени представлений. Противник формализма и казенщины о. Антоний стремился пробудить в студентах огонь живой веры, привлечь своих питомцев к церковно-общественной деятельности, к насущным вопросам, волновавшим русское общество» [4]. Как начальник, педагог, ученый и воспитатель, он «был кумиром учащейся молодежи». А. Храповицкий являлся сторонником «живого, неформального общения в студенческой и академической среде», был «противник всяких административных и учебных строгостей и ограничений» и воздействовал на людей добрым отношением и словом [3–5].

Между ректором и профессурой также быстро установились хорошие отношения, которые способствовали развитию научных исследований. Лекции в академии читали выдающиеся ученые – Введенский, Голубинский, Ключевский, Лебедев, Муретов. Их научные труды публиковались на страницах «Богословского вестника» – нового периодического издания МДА, основанного при А. Храповицком. Две-

ри ректорской квартиры были широко открыты для студентов и посетителей. Традиционным стало общение академической молодежи и ректора за чаепитием, где обсуждались темы диссертации и велись споры, очень много говорили о русской литературе, которую Храповицкий отлично знал. Влияние архимандрита на студентов было огромно. Как писал митрополит Евлогий, он «всколыхнул, возжег в сердцах рвение» служить обществу. Выпускники о. Антония несли в учебные заведения России новое понимание задач и роли педагога в становлении личности и повсеместно стремились следовать своим принципам на практике. Среди сокурсников и современников Успенского это влияние было очень заметным. Годы учебы в академии, без сомнения, оказали сильнейшее влияние на становление Успенского как педагога, сформировали его взгляды на профессиональную деятельность.

В 1894 г., после успешного окончания академии со степенью кандидата богословия, И. А. Успенский был направлен на работу помощником инспектора в Томскую духовную семинарию [7, л. 50, 50 об.]. По приезде на место службы он сразу столкнулся со всеми негативными явлениями реальной жизни этих учебных заведений. «Первой и главной особенностью образовательного процесса в духовных школах того времени была пропасть между учащими и учащимися, выражавшаяся в отсутствии интереса у первых к внутренней жизни последних. Вся воспитательная система сводилась лишь к внешнему контролю над поведением воспитанников, осуществлявшемуся при помощи инспектора и его помощников. Члены семинарской администрации относились к студентам с недоверием, иногда – с нескрываемым презрением. В среде семинаристов царил “бурсацкий”, и в то же время крайне либеральный дух. Начальство поддерживало строжайшую дисциплину, но это не мешало распушенности семинарских нравов и распространению в среде учащихся революционных идей... Против студенческой солидарности были бесцельны самые строгие репрессивные меры. Трудности создавали не столько ученики, сколько установившиеся формы семинарского режима», – так описывал внутреннюю жизнь семинарий того времени митрополит Евлогий [4]. Ситуация в стенах Томской духовной семинарии и события, которые последовали вслед за назначением Успенского, полностью отвечали этой характеристике.

С первых дней работы сразу обнаружилось не только расхождение в представлениях Успенского о роли инспектора в семинарии с тем, что на практике было рекомендовано ему к исполнению ректором учебного заведения, но и в целом отсутствие какой бы то ни было общей направленности в воспитательной работе. В феврале 1896 г. Успенский писал в письме родным, что инспектор «кратко, но выразительно представил мне программу своих воспитательных дей-

ствий и средств – одним сжатием кулака: “Забрать надо их!”. С другой стороны, “ректор – этот из желания добиться популярности (но, кажется, усилия его не увенчаются успехом) – потекает ученикам”. Пользоваться предложенными советами Успенский не спешил, аргументируя тем, что «сжимать-пригнетать» не в его характере [6], и стал действовать в соответствии с собственным пониманием роли воспитателя и наставника, усвоенным еще в академии.

Внимание к личности семинаристов и в то же время строгое и справедливое отношение к ним позволило Успенскому завоевать уважение своих питомцев. Читая архивные документы разных периодов деятельности Ивана Александровича, можно убедиться в том, что, определяя направление педагогической работы, он всегда стремился как можно глубже оценить и понять потребности и особенности каждого воспитанника. Для него было характерно отеческое отношение, искренний интерес к жизни молодых людей и большое желание содействовать их духовному совершенствованию.

Деятельность Успенского в семинарии отличалась разносторонностью. Кроме своих прямых обязанностей он являлся членом казначейской палаты Томского епархиального училищного совета, членом попечительского совета о бедных воспитанниках семинарии, членом Совета Братства Дмитрия Ростовского – просветительской организации, которая занималась миссионерской деятельностью среди народов Алтая, с сентября 1898 г. преподавателем церковной и библейской истории в семинарии. Круг его занятий и ответственности был достаточно широк. Среди его послужного списка есть даже благодарность «за умелую распорядительность на пожаре в старых семинарских зданиях» в январе 1897 г. [1, л. 1–6 об.].

В 1900 г. Успенский был назначен на должность инспектора Томской духовной семинарии. На нем лежала ответственность за надзор и воспитание учащихся. По мере утверждения в своей профессии стали очевидны и преимущества его подхода в педагогической работе. Успенский сумел найти контакт со своими воспитанниками, получил возможность оказывать на них необходимое влияние, направлять их интерес и внимание в положительную сторону, сохраняя веру в избранное однажды поприще. Однако нежелание придерживаться необоснованно строгих правил и казенной дисциплины и стремление строить отношения с семинаристами на доверии и уважении к их достоинству не находило понимания у начальства учебного заведения. Методы работы Успенского резко контрастировали с общими принципами работы семинарии. Расхождение во взглядах Успенского с руководством вылилось в беспорядки и демонстративные акты неповиновения со стороны семинаристами. Причину беспорядков административная видела в Успенском, который своей работой доказал, что возможно работать по-другому – строить отношения

с воспитанниками, основываясь не на официальных предписаниях и казенной дисциплине, а на доверии и внимании к ним. Успенский писал: «...для них ученик что-то безличное; думают, что тогда только в семинарии будет порядок и тогда будут выходить хорошие люди, когда в учениках начальство вытравит все его личное, уничтожит все желания; образцовый порядок – это когда ученики будут на веревочке да все по звонку ходить куда позволят и дышать, когда велют... Жизнь в семинарии, по мнению иных, должна быть вроде места заключения или строгого монастыря, от всего мира изолирована. Как скоро люди забывают, что они думали, когда сами были учениками!» Свою позицию и отчасти педагогическое кредо Успенский оценивал так: «...я не подлаживаюсь под букву закона, под их циркуляры. Выше всех циркуляров я ставлю совесть и ученика» [6].

Несмотря на свойственную Ивану Александровичу мягкость и доброжелательность в общении, стремление избегать конфликтов и ссор, позиция его была принципиальной. Это было противостояние убежденного в своей правоте человека не с конкретными людьми или начальством, а со сложившейся системой. Изменить ситуацию могло только реформирование этой системы, использование другого воспитательного подхода, основанного на уважении к личности, развитии ее творческой инициативы, стремлении привить воспитаннику сознательное отношение к учебе, богословию, церковной службе.

Итогом противостояния стало решение высших инстанций о переводе в августе 1902 г. И. А. Успенского на должность инспектора Пермской духовной семинарии [1, л. 5 об.–6]. Семинаристы устроили Ивану Александровичу торжественные проводы. Об этом событии не посчитала лишним написать даже томская пресса. В газете «Сибирская жизнь» от 4 сентября 1902 г. в подробностях рассказывалось о состоявшемся событии в честь «любимого инспектора». В ответ на торжественные речи своих бывших воспитанников теперь уже бывший инспектор томской семинарии сказал: «Вы были моею слабостью, моею радостью, моею гордостью. Может быть, я глубоко ошибаюсь, но мне всегда казалось, что рядом со мной сами становились вы мягче, послушнее и чище...» [7]. За годы работы в Томске Иван Александрович обзавелся широким кругом друзей, заслужил уважение и любовь учеников и коллег. Уезжая, он с сожалением заметил: «...а все-таки бороться со злом можно... но не хочется оставлять Томск, где так хорошо относились ко мне все, – и духовенство, и преподаватели, и ученики, и общество – все, кроме монахов» [6].

Вероятно, именно тогда Иван Александрович пришел к решению оставить службу в духовном ведомстве и перевестись в ведомство Министерства народного просвещения. В новой должности инспектора Пермской духовной семинарии он пробыл недолго.

Почти сразу по приезде на место назначения Успенский получил письмо от директора Технологического института с известием о назначении уже с октября 1902 г. помощником инспектора в этот институт. Характер письма и приложенной к нему телеграммы говорят о том, что друзья ждали и активно ходатайствовали о скорейшем возвращении Успенского обратно в Томск [1, л. 24].

На службе в МНП деятельность Ивана Александровича получила больше признания, и его карьера развивалась вполне успешно. С сентября 1903 г. он получил место преподавателя словесности Томской Мариинской женской гимназии. К этому времени он уже опытный и уважаемый педагог в чине надворного советника со старшинством [1, л. 5 об.–6]. Именно тогда были замечены и очевидные административные способности И. А. Успенского, который в отсутствие директора гимназии исполнял его обязанности.

В начале 1907 г. администрация учебного округа сделала Успенскому предложение занять освобождающуюся должность директора Томского учительского института. Такое предложение являлось свидетельством очень высокой оценки педагогической деятельности, так как на должность директоров учительских институтов назначались исключительно опытные заслуженные педагоги или ученые, какими были К. К. Сент-Илер, М. И. Демков, Ф. Г. Шубин, А. П. Медведков или прежний директор ТУИ М. А. Водяников. Успенский согласился, став последним бессменным директором учительского института вплоть до 1920 г. На период его руководства пришлось и время расцвета ТУИ, и годы мировой и гражданской войн, и тяжелейший период реформ образования Советской власти.

В должности директора учительского института имела ряд принципиальных особенностей. Теперь на Успенском лежала ответственность за воспитание и подготовку к профессиональной деятельности педагогов. Однако принципы, которыми он руководствовался в работе, оставались неизменными, в очередной раз доказав эффективность своего подхода, основанного на простом уважении к человеку, личности и честном служении своему призванию. Как можно заметить, его отношение к воспитанникам имело много общего со стилем работы Антония Храповицкого. Успенский писал: «В целях воспитательных, педагогический персонал и я старались ближе стать к ученикам, установить живую связь между нами и ими, чтобы, по возможности, подчинить их своему влиянию, заботливо и участливо относиться к их нуждам; знакомясь с их индивидуальными особенностями, помогая им в приискании себе средств существования. В видах сближения с учениками, обычно я не назначаю для них специальных часов приема: как и для преподавателей, дверь моя всегда открыта для них» [8].

Его взгляды нередко шли вразрез с официальными предписаниями и требованиями министерства. В частности, в вопросах воспитания будущих учите-

лей требовалось неукоснительно соблюдать «Положение об учительских институтах 1872 г.», предусматривавшее закрытый режим учебного заведения, строгий распорядок дня и дисциплинарные взыскания за малейшие нарушения установленного порядка. Успенский же следовал принципу целесообразности тех или иных мер, исходя из специфики контингента воспитанников. Его представления о роли педагога в воспитании и методах работы педагогического коллектива отличались от принятых в учебных заведениях того времени. В отчете о деятельности ТУИ за 1911 г. он писал: «...дисциплинарные и другие педагогические средства, коими обычно располагают средние учебные заведения общеобразовательного типа, у нас, в учительских институтах, не применимы, как это и доказал опыт первых лет жизни нашего Томского, равно и других институтов. Непригодны они постольку, поскольку наши учащиеся отличаются от учащихся в тех учебных заведениях и даже от учащихся в высших учебных заведениях... У нас люди с совершенно сложившимся характером и укоренившимися привычками, упорные, часто до непреодолимого упрямства в своих стремлениях, почти обязательно занимавшие пред поступлением на институтскую скамейку самостоятельное общественное и служебное положение, чаще всего учительское... Руководить таким составом учащихся путем обычных школьных дисциплинарных приемов и непедагогично и невозможно» [8]. Взамен казенных приемов работы Успенский предлагал свой путь достижения поставленной задачи: «Педагогический опыт приводит к выводу, что для достижения сплочения этой массы, для надлежащей постановки серьезного учения и дисциплины, нужно руководить ими, поставив целью, прежде всего и главное – возбуждение и укрепление в институтах разностороннего интереса к учению, чтобы потом этим интересом захватить по возможности все их мысли и заполнить все время и, создав постепенно серьезное научное настроение, бороться таким образом с возможными для них соблазнами и праздностью и выпускать по окончании курса действительно знающих и трудоспособных учителей...» [8].

Действительно, учебные программы института были очень насыщены и значительно превышали объем требований официальных документов. Успенский сумел привлечь к работе в ТУИ интересных талантливых преподавателей, хотя это было и нелегко с учетом низкой зарплаты в такого рода учреждениях. «Вводя обширные программы и лучшие учебные пособия, потом быстрым поступательным темпом (преподаватели. – С. К.) ведут за собой своих слушателей, и так много, серьезно и усиленно, но посылно, заставляют их трудиться, что у них не остается времени, да и сил и охоты на праздные мысли и дела. Бесспорно, где интерес, там и внимание, там будет и весь человек! ...Правильная сторона дела имеет глубокое влияние на всю психологию учащегося, не только дис-

циплинируя его мысль и обогащая знаниями, но и развивая его волю, способность и любовь к труду, а, следовательно, и возвышая его нравственные качества» [8].

Развивать педагогические способности слушателей института стремились во всех направлениях.

В Томском институте поддерживалась особая атмосфера творчества, которая также служила педагогическим целям. Одним из важнейших средств воспитания учителя преподавательский коллектив института считал устройство традиционных институтских литературно-музыкальных вечеров. Участие в подготовке таких мероприятий давало необходимые навыки выразительного чтения, способствовало постановке правильной речи, развитию эстетического вкуса, артистических и музыкальных способностей слушателей.

Томский учительский, безусловно, входил в число передовых и наиболее уважаемых учебных заведений России. Здесь сохранялся неизменно высокий конкурс на поступление. Это позволило институту в 1917 г. одним из первых приступить к реформе учебных программ и реорганизации его на новых началах, приближенных к вузовскому образованию. Успешное развитие и яркая история ТУИ безусловно являются заслугой его директора – Ивана Александровича Успенского, который сумел создать в стенах института уникальную для своего времени атмосферу. В целом, по словам выпускника института А. М. Волкова, «Томский учительский институт был редким оазисом на фоне общего педантизма и сухости, господствовавшей в учебных заведениях в ту далекую эпоху» [6]. А среди выпускников ТУИ было много талантливых педагогов, ученых и исследователей.

В 1920 г. после утверждения в Сибири Советской власти учительский институт подлежал преобразованию в советский тип педагогического вуза – институт народного образования. Но в силу тяжелого политического, социального и финансового положения

региона эти работы были приостановлены. С этого времени Иван Александрович Успенский, как и другие преподаватели, вероятно, перебивался случайными заработками учителя словесности, корректора и т. д. Новая власть очень настороженно относилась к преподавателям дореволюционных учебных заведений. Из институтского корпуса, где для него была специально предусмотрена казенная директорская квартира, Успенский перебрался жить в многочисленную семью бывшего преподавателя института П. В. Пудовикова. Официально Успенский был уволен со службы только в 1922 г.

По воспоминаниям Сергея Степановича Москвитина, внука Петра Владимировича Пудовикова, Иван Александрович был человеком спокойным, очень добрым, всюду, где ему приходилось жить, разводил сады и цветники. Это он заложил основу Учительского сквера рядом с корпусом института. В предвоенные годы И. А. Успенский связал свою жизнь с Марией Леонидовной Шиловской, известной в томском творческом мире директрисой частной музыкальной школы. С ней он прожил до своей кончины 14 апреля 1943 г.

И. А. Успенский является ярким примером человека, который на протяжении всей жизни последовательно служил своему призванию и идеалам. Деятельность И. А. Успенского нашла продолжение в его многочисленных воспитанниках. Будучи талантливым педагогом, он обладал способностью помочь человеку увидеть и открыть в себе лучшие качества для служения избранному делу. Иван Александрович «принадлежал к числу тех немногих личностей, которым самой природой дано вносить мир туда, где его нет, служив объединяющим началом разрозненных элементов, поддерживать тех, кто падает под тяжестью жизненной ноши, распространять вокруг себя лучи неиссякаемой ласки и приветливости и на свою любовь вызывать ответную любовь...» [7].

Список литературы

1. ГАТО. Ф. 194. Оп. 6. Д. 129.
2. Материалы фонда Музея Николы (Куров-центр) г. Мышкина.
3. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. М., 2003.
4. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 2006.
5. Архимандрит Киприан (Керн). Восхождение к фаворскому свету. М., 2007.
6. Материалы по истории ТУИ // Фонды Музея истории ТГПУ.
7. Сибирская жизнь. 1902. 4 сентября. № 192.
8. ГАТО, Ф. 126. Оп. 2. Д. 2576. Л. 315 – 319.

Кочурина С. А., кандидат исторических наук, зав. кафедрой отечественной истории и культурологии ИК.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 08.12.2009